

АКТАНТЫ И СИРКОНСТАНТЫ В КОМИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Волгоградский государственный педагогический университет

В теории семантического синтаксиса существует несколько подходов к разграничению актантов и сирконстантов. Е.В. Падучева отмечает, что структурный принцип базируется на информации об участниках ситуации, поданных в словаре при описании значения глагольных лексем: актанты являются те участники, которым соответствуют переменные в толковании. Принцип семантической обязательности предполагает, что актанты – это обязательные участники обозначаемой глаголом ситуации, а сирконстанты – факультативные (Этот принцип не является общепризнанным. Согласно Ю.Д. Апресяну, актанты могут быть семантически факультативными.) Синтагматически актанты избирательны и потому индивидуальны для каждого глагола, а сирконстанты зачастую имеют свободную сочетаемость [2: 72-75]. Опираясь на вышеназванные признаки разграничения актантов, определим их проявление при создании комического эффекта.

Как показывают наши наблюдения над текстами произведений С. Довлатова, актанты и сирконстанты в комическом контексте подвергаются различным изменениям в соответствии с художественным замыслом автора. Разнообразные переосмысления лексем ведут перекодирование актантов и сирконстантов. Градационно это можно представить следующим образом.

1. Межвидовые перекодировки. Суть их в том, что роль участника ситуации качественно меняется, причем переименование роли может происходить как в области комплементов (актант субъектного типа меняется на аргумент объектного типа), так и обязательный участник ситуации может меняться на сирконстант.

Эмотив (субъектный тип, источник эмоционального состояния) может менять актантную характеристику, становясь пациентивом (объектный тип, лицо, на которое распространяется какое-либо действие, отношение, состояние субъекта) (1), или в одной лексеме заключаются две роли участников ситуации (эмотив и пациентив) (2):

(1) – *Отчего ты грустный? – Секин коснулся моего рукава.*

– *У меня, – говорю, – комплекс неполноценности.*

– *Комплекс неполноценности у всех, – заверил Секин.*

– *И у тебя?*

– *И у меня в том числе. У меня комплекс **твоей** неполноценности.*

– *Браво! – сказал я (Хочу быть сильным).*

... *И как выяснилось, мне хватило одного-единственного чемодана.*

(2) *Я чуть не разрыдался от жалости к себе [1: 3, 348].*

Имплицитный пациентив (*розовый пакет* – грудной ребенок, девочка, в пеленках) под воздействием лексической многозначности (*пакет* – переносное значение ‘конверт с письмом официально-делового содержания’ [3: 3, 11] согласуется со значением слова *документ* – ‘деловая бумага, служащая доказательством чего-либо, подтверждающая право на что-либо’ [3: 1, 421] и заменяется на прямое значение ‘упакованный в бумажную или иную обертку какой-либо предмет или ряд предметов; сверток’ [3: 3, 11]) и в соответствии с авторским замыслом получает контекстуальную характери-

стику другого актанта инструментального типа, предмет, при помощи которого разрешается ситуация – медиатив:

Помню, зашел я с коляской в редакцию журнала “Аврора”. Мне причитался там небольшой гонорар. Чиновница раскрыла ведомость:

– Распишитесь.

И добавила:

– Шестнадцать рублей мы вычли за бездетность.

– Но у меня, – говорю, – есть дочка.

– Надо представить соответствующий документ.

– Пожалуйста.

Я вынул из коляски розовый пакет. Осторожно положил его на стол главного бухгалтера. Сохранил таким образом шестнадцать рублей [1: 3, 443].

2. Внутривидовая перекодировка. Она заключается в том, что меняется ролевая характеристика актанта в пределах одной видовой группы (например, актантов субъектного или объектного типа).

Наблюдаются случаи, когда на качественное изменение актантов влияет межуровневая аттракция языковых единиц:

*– О чем мы будем говорить? ...О Джойсе? О Гитлере? ... А может быть, о Ясперсе или о **Кафке**? (1)*

*– О **Кафке** (1), сказал я...*

Останавливает меня коллега Барабанов.

*– Вчера, – говорит, – перечитывал **Кафку** (2). А вы читали **Кафку**? (2)*

– К сожалению, нет, – говорю. (2)

*– Вы не читали **Кафку**? (3)*

– Признаться, не читал...

Возвращаясь с работы, я повстречал геолога Тищенко. Тищенко был, по обыкновению, с некрасивой девушкой.

*– В Ханты-Мансийске свободно продается **Кафка** (3)! – издали закричал он...*

Через минуту я был дома. В коридор на меня обрушился сосед-дошкольник Рома.

*– А мы с бабулей **Кафку** (3, 4) читали!*

Я закричал и бросился прочь. Однако Рома крепко держал меня за ногу.

– Тебе понравилось? – спросил я.

– Более или менее, – ответил Рома.

Тогда дошкольник вынес большую рваную книгу и прочел:

*– РУФКИЕ НАРОДНЫЕ **КАФКИ** (5)! [1: 1, 43-44]*

Трансформация лексического значения ((1) предмет разговора (творчество автора) – (2) культовый писатель – (3) образец показательной эрудиции – (4) “ирреальный преследователь” – (5) сказки) сопровождается синтаксической. В процессе замещения одной семантической роли на другую при-

нимают участие и единицы фонетического уровня. В результате чего информатив, объектный тип актанта, управляемый глаголом речи, (1, 2) преобразуется вначале в эмотив, субъектный тип актанта, источник эмоционального состояния, (4), а затем в интеллектив, объектный тип актанта, управляемый глаголом умственной деятельности (5).

3. Внутрирольевая (внутриактантная) перекодировка. Суть данного вида изменений состоит в том, что базовая актантная характеристика участника ситуации остается той же, меняются лишь некоторые частные характеристики. Например:

Шел экзамен по русской литературе. Хачатурян всех спрашивал:

– Прости, что за вопрос достался?

– Пушкин, – говорил один.

– Мне повезло, – восклицал Хачатурян, – именно этого я не учил!

– Лермонтов, – говорил второй.

– Повезло, – восклицал Хачатурян, – именно этого я не учил!

Наконец подошла его собственная очередь. Судья вытащил билет. Там было написано: “Гоголь”.

– Вай! – закричал Хачатурян. – Какая неудача! Ведь именно этого я как раз не учил!.. [1: 1, 57].

От прямого или косвенного воздействия источника состояния (эмотива – билет) на объект будет зависеть эмоциональная характеристика пациента (Хачатурян): направленность на других пациентов вызывает положительный эмоциональный настрой у ведущего участника ситуации Хачатуряна, прямой – наоборот.

Сирконстанты также могут в условиях контекста менять свою характеристику:

*– Я знаю, – сказала Фрида, – что вы пишете новеллы. Могу я их прочесть? Они у вас **при себе**?*

*– **При себе**, – говорю, – у меня лишь те, которых еще нет.*

– Bravo! – сказала Фрида [1: 1, 44].

Значение локализатора словоформы *при себе* преобразуется с реального на ирреальное.

Как показывают наши наблюдения, актанты и сирконстанты в комическом контексте при формировании языковой игры под влиянием перемены лексической семантики подвергаются различным перекодировкам. Нами выявлены три вида таких изменений, причем во всех случаях названные лингвистами критерии разграничения актантов и сирконстантов (обязательность/необязательность в структурном и семантическом плане) подвергаются нами сомнению: невозможно смысловое исключение или замена обозначенных лексем из контекста, иначе языковая игра нейтрализуется.

- 1. Довлатов, С. Собрание сочинений: в 4 т. / С. Довлатов. – СПб., 2005.
- 2. Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. – М., 2004. – 608 с.
- 3. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Институт русского языка; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1981-1984.

М.В. Бондаренко

НЕМЕЦКИЕ И НИДЕРЛАНДСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Самарский государственный университет

Взаимодействие английского языка с другими германскими языками имеет длительную историю. Однако германисты в большей степени занимались проблемами влияния английского языка на другие германские языки, чем наоборот [1]. Что же касается лексических заимствований из других германских языков в английский, то предпочтение отдается, в основном, заимствованиям современного периода [3]. В условиях смены лингвистической парадигмы проблема заимствований становится периферийной в системе лингвистических исследований, однако она по-прежнему важна для изучения этимологических характеристик лексического состава, которые весьма неодинаковы в разных германских языках.

Касаясь проблемы заимствований в английском языке, следует отметить, что исследования в этой сфере по традиции обращались к тем пластам заимствованной лексики, которые ранее уже рассматривались в лингвистической и учебной литературе – латинским, кельтским, франко-нормандским и поздним французским заимствованиям [4; 5] либо экзотизмам [2]. Относительно заимствований из других германских языков в английский можно сказать, что данная проблема до сих пор остается весьма слабо изученной, вследствие чего целый ряд слов с достаточно прозрачной этимологией маркируется лексикографическими источниками как этимологически неопределенные единицы: boy ‘мальчик’ (ср. швед. pojke < финск. pojka), booze ‘спиртной напиток’ (амер. сленг, ср. нид. boos ‘злой’), nag ‘кляча’ (ср. нид. negge ‘пони’), slut ‘неряха’ (ср. нижненем. Schlutt).

Германский лексический фонд английского языка рассматривается как нечто единое, неделимое, противопоставляемое всем прочим заимствованиям, прежде всего романским. В этом плане англистика заметно уступает этимологическим исследованиям других германских языков, в особенности скандинавских, в которых заимствованная лексика из